

Бурова Мария Леонидовна

ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

Статья раскрывает взаимодействие национального и патриотического в философии истории В. С. Соловьева в аспектах онтологии, методологии, этики и политики. Развитием национального сознания является противоположность патриотизма и национализма, снимаемая в универсализме или космополитизме. Онтологически и ценностно патриотизм выше национализма и позволяет рассматривать историю отдельного народа как часть всемирной истории. В аспекте этики национальное, патриотическое, универсальное выступают как переход от замкнутости к открытости, воплощаясь в национальной политике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 25-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

становились мощным средством клиширования, а значит широкой трансляции образов. Один из них, мало разрушенный временем и людьми, сохранился в небольшом Жигулёвске, развитие которого изначально оказалось поставлено в зависимость от местоположения города на территории национального парка.

Список источников

1. Бочаров Ю. П., Кудрявцев О. К. Планировочная структура современного города. М.: Стройиздат, 1972. 160 с.
2. Города Самарской области: статист. сборник. Самара, 2006. 192 с.
3. Государственный научно-исследовательский музей им. А. В. Щусева (ГНИМА им. А. В. Щусева). Отдел фондов графики. Р1а-7442.
4. Каталог проектов гражданских зданий. М.: Государственное архитектурное издательство, 1947. 74 с.
5. Каталог типовых проектов жилых и культурно-бытовых зданий для городского строительства. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. Вып. I. Жилые здания. 385 с.
6. Каталог типовых проектов жилых и культурно-бытовых зданий для городского строительства. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. Вып. II. Культурно-бытовые здания. 155 с.
7. Куйбышевская гидроэлектростанция на реке Волге. 1950-1957 годы: фотоальбом / сост. Н. В. Разин, А. А. Бардышев. Ставрополь, 1957. 33 с.
8. Меерович М. Г. Гипрогор. Первые годы деятельности // Архитектурное наследие / Российская академия архитектуры и строительных наук; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства; гл. ред., сост. И. А. Бондаренко. М. – СПб.: Коло, 2014. Вып. 61. С. 293-312.
9. Рожин Игорь Евгеньевич: иллюстрированный каталог творческих работ / авт. вступ. ст. Ю. П. Платонов; сост. кат. Т. А. Башинжогиан. М.: Союз архитекторов РСФСР, 1991. 96 с.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 339. Оп. 2.
11. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 46. Оп. 3-5.
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-4249. Оп. 1.

**ZHIGULYOVSK ARCHITECTURE AND PLANNING:
ON FOUNDATION HISTORY OF THE ONLY TOWN WITHIN THE TERRITORY OF SAMARA BEND**

Buraya Inna Viktorovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Volga Region State University of Service
inna0769@yandex.ru

Zhigulyovsk refers to new towns of Samara region founded at the turn of the 1940-1950s. Its location – within the territory of “Samara Bend” National Park – stimulated “conservation” of historical architecture and planning, since prohibition to build industrial enterprises here restricted growth of population and, consequently, the building. Due to these factors Zhigulyovsk preserved the integrated architectural ensemble of the late Soviet neo-classicism. The article shows Zhigulyovsk developmental dynamics from the oil workers’ settlement to the town, analyzes architecture and planning, identifies implemented standard projects, peculiarities of architectural environment arrangement.

Key words and phrases: Soviet urban planning; new towns; Soviet neo-classicism; standard projects; club; I. E. Rozhin; N. V. Kashkadamova; Leningrad State Institute for Town Planning; Zhigulyovsk; Samara region; the Volga region.

УДК 141+930.1

Философские науки

Статья раскрывает взаимодействие национального и патриотического в философии истории В. С. Соловьева в аспектах онтологии, методологии, этики и политики. Развитием национального сознания является противоположность патриотизма и национализма, снимаемая в универсализме или космополитизме. Онтологически и ценностно патриотизм выше национализма и позволяет рассматривать историю отдельного народа как часть всемирной истории. В аспекте этики национальное, патриотическое, универсальное выступают как переход от замкнутости к открытости, воплощаясь в национальной политике.

Ключевые слова и фразы: философия истории; национальное самосознание; национализм; патриотизм; универсализм; космополитизм; человечество; народ.

Бурова Мария Леонидовна, к. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
marburova@yandex.ru

**ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО
В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В. С. СОЛОВЬЕВА**

В своей философии истории В. С. Соловьев исходит из рассмотрения человечества как социального организма и морального существа. Субстанциальное единство человечества как особая целостность основано

на взаимодействии всех его членов, и жизнь каждой его части – нации предполагает исполнение определенной функции. Философия истории Соловьева имеет свою онтологию, логику и этику, которые объединены ценностным отношением к человечеству и народу. Общими принципами является положение о единстве исторического и логического в философии истории, требование научности в отношении к историческому процессу и к субъектам истории. Интерес Соловьева к соотношению национального и патриотического как в теоретическом, так и в практическом смысле остается постоянным в его творчестве, национальное и патриотическое рассматриваются им в рамках онтологии, методологии, этики и политики.

Онтологический взгляд на проблему национального и патриотического связан с провиденциализмом и мессианством. Особенно это заметно у Соловьева в работах конца 70-х – начала 80-х годов, когда выстраивается его концепция всеединства и богочеловечества, поскольку воплощение Бога связано для него с космогоническим и теогоническим процессом, с историей человечества. Бог есть универсальная идея, закон, любовь, который не только воплощается, но и осознается, прежде всего, в религиозном сознании. Религиозное сознание исторически расширяется, божественный закон осмысливается не просто как внешняя необходимость, а как внутренняя необходимость или свобода. С этим связано и изменение национального сознания, появление патриотизма и универсализма как противоречивого единства. Ведь Бог может открываться не только одному народу, как Бог этого народа, но представлять как универсальная идея, как любовь, и тогда возможен переход от национального эгоизма к универсализму. Так, еврейские пророки были для Соловьева «величайшими патриотами, всецело проникнутыми национальной идеей иудейства, но именно потому, что они были ею всецело проникнуты, они и должны были понять ее как всеобщую, для всех предназначенную, как достаточно великую и широкую, чтобы внутренне объединить собою все человечество и весь мир». Здесь особенное переходит во всеобщее, а всеобщее проявляется в особенном. Патриот может быть представителем универсализма, истинный патриотизм должен быть свободен от народной исключительности и эгоизма, а «истинный универсализм, чтобы иметь действительную силу и положительное содержание, должен необходимо быть расширением или универсализацией положительной народной идеи, а не пустым и безразличным космополитизмом» [13, с. 105-106].

Как видно, в историософии автора подлинная история человечества как богочеловеческий процесс сопрягается с единством национального-патриотического-универсального. Истинный универсализм является снятием подлинного, не эгоистического, национализма и патриотизма, а последние в своей истинности практически не различаются. По сути, они предстают как разные формы для одного и того же содержания. Космополитизм же характеризуется отрицательно, как не имеющий содержания.

Но если Бог открывается народу, то народ должен быть посредником между человечеством и божественным началом. Тогда с общим представлением об историческом процессе связано более конкретное положение о миссии народа, миссии России, сама трактовка национального вопроса. При этом Соловьев различает народность как «этнографическую только единицу с ее натуральными особенностями и материальными интересами» и народ, «который чувствует, что выше всех особенностей и интересов есть обще вселенское дело Божие... – народ теократический по призванию и по обязанности» [11, с. 74-75]. Немалое влияние оказывали на идеи Соловьева конкретные политические события, когда Россия противостояла Западу, и Востоку. Слитность Востока и индивидуализм Запада ведут подчиненные им народы к духовной смерти, разложению, к концу истории. Славянство, русский народ могут стать той третьей силой, которая должна дать человечеству развитию его безусловное содержание. Эта сила есть откровение высшего божественного мира, и народ как посредник не должен иметь специальных ограниченных задач. Он не нуждается в особых преимуществах и дарованиях, он должен быть равнодушен к частным сферам жизни. Он должен «дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом... он действует не от себя, осуществляет не свое. От народа – носителя третьей божественной силы требуется только свобода от всякой ограниченности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется... всецелая вера в положительную действительность высшего мира и покорное к нему отношение» [12, с. 38-39]. Здесь, как видим, и национальное, и патриотическое начало не просто упраздняется как эмпирическая данность. Народ как посредник между низшим и высшим мирами, как носитель божественной силы онтологически и аксиологически стоит выше исторической формы народа, племени или нации, над конкретными противоположными интересами, выступает как сверхнациональное единство. Это еще не синтез, но уже движение к идее народа как объединяющему началу. Поэтому Соловьев от предназначения славянских народов восходит к смыслу и идее народа вообще как части единого целого, как предвечно установленной божественным планом органической функции общей жизни человечества.

С другой стороны, народ, нация могут быть рассмотрены как моральное существо, и тогда обязательством такого морального существа является исполнение своего призвания. Идея, налагаемая на него Богом, как его особый долг связана с его жизнью и смертью и является смыслом его бытия [8, с. 43]. И этот смысл не является выбором самой нации, «ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Там же, с. 42].

Рассмотрение нации как божественного орудия не противоречит тому, что человечество исторически является как многообразие наций, в виде сплоченных законченных тел или государств, имеющих светскую власть, или правительств, которые направляют объединенную деятельность национальных сил [Там же, с. 63]. Соловьев разграничивает нацию и национализм, исходя из самой христианской истины, утверждающей «неизменное существование наций и прав национальности, осуждая в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельно существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм» [Там же, с. 51]. Философ считает,

что историческая обязанность может выступать в виде конкретного национального вопроса. Сложность в том, что общее место в применении к национальному вопросу превращается в мистическую мечту, аксиома становится субъективной фантазией. Возможным критическим суждением, что мысль Бога о нации вряд ли кому-то может быть открыта, что долг любого народа – преследовать свой национальный интерес, а долг патриота «сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в этой национальной политике, не навязывая ей своих субъективных идей», Соловьев отвечает тем, что народ, общественное мнение могут быть неправы в самооценке своей задачи [Там же, с. 43-44]. Старая оппозиция истины и мнения ведет к противопоставлению ценности и интереса. Народность не может быть высшей ценностью. Нация может ошибаться в своем предназначении, этому также способствует дробность мнения нации, ложное понимание смысла своего исторического существования, даже вопреки самим историческим фактам, что, полагал Соловьев, было в истории еврейского народа. И национализм, и патриотизм могут оказаться ложными в своем содержании. Но если идея народа не открывается всей нации, то можно предположить, что она дана мыслителям, философам, тем, кому доступна истина, если и не рефлексивно, то интуитивно. Открыта идея народа и самому Соловьеву.

Историческая обособленность народов должна привести к целостности органического единства, что сопоставимо с идеалом божественной Троицы. И возможность для такого пути заложена уже в наличии конкретных органических социальных единств – церкви, государства и общества. Русская идея, полагает мыслитель, и состоит в восстановлении этого образа Троицы.

Таким образом, у философа выстраивается следующий иерархический порядок: Бог – идеи Бога – идея нации – нации-народы – патриотизм – национализм. На каждой ступени сочетаются единое и многое, целое и часть, но чем ниже мы опускаемся по этой онтологической лестнице, тем меньше истинности, больше множественности. Необходимо подниматься вверх от различия к подлинному единству и целостности, что позволяет утверждать в онтологии Соловьева платоновское понимание диалектики.

С онтологией связана и предложенная философом посредством критики концепций позднего славянофильства методология исторического познания, где также рассматривается соотношение национального и патриотического.

Общественные теории делятся Соловьевым на крылатые, сопоставимые с платоновским идеалом знания, со стремлением к синтезу, с воспарением над эмпирическим, и ползучие, которые не способны подняться над основами общества и рассматривают имеющийся тип общественных отношений как окончательный и неизменный. Первые научны, вторые теряют свой научный характер, поскольку направлены на приукрашивание, подправление эмпирического и, таким образом, коренные грехи возводят на степень идеала [7, с. 82-83]. И тогда вместо всемирной истории, вместо истории как науки появляется наукообразная система национализма, как у Н. Я. Данилевского [Там же, с. 85], или исторические фантазии славянофильства.

Соловьевым критикуется стремление автора возвести существующую в человечестве рознь в законченную систему, сделать из нее практические выводы для определенной части человечества. Речь идет о принципе национальностей, который, по мнению Соловьева, стал ходячей европейской идеей после наполеоновских войн и двойственность которого несомненна. Этот принцип может иметь характер равного права, справедливости для любой народности в ее жизни и развитии, а значит, воплощать в себе нравственную идею человеческой солидарности. Но этот принцип может так возбуждать национальное чувство, что собственный народ может показаться наилучшим, первым, сильным, то есть привести к национальному эгоизму или национализму [Там же, с. 83-84]. Полученный, по сути, индуктивным путем общий принцип может быть как истинным, так и ложным, отсюда и необходимость понимания того, что же именно и как следует обобщать.

Различие взглядов на историю Соловьева и Данилевского проявляется в том, что для первого древняя история не сводится только к господству национального сепаратизма, но является движением к объединению чуждых и враждебных народов и государств. Нации, не принимающие в этом участие, имеют антиисторический характер (в терминологии Данилевского они должны быть названы уединенными культурно-историческими типами). Политическая и культурная централизация преемственных типов не может быть ограничена группой народов, а должна стремиться к всемирному владычеству как своему пределу. Поэтому для Соловьева древняя история представляет собой не смену культурно-исторических типов, а их собирание как частей универсальной культуры. Римская империя не сменяет, а совмещает прежние преемственные типы, становясь всемирной империей. Этот исторический и политический процесс дополняется идеей единого человечества [Там же, с. 103-104], которую Соловьев подчеркивает в сходных по смыслу работах Сенеки об универсализме римского разума и посланиях ап. Павла о началах новой универсальной религии. Эта близость идей является для него не просто историческим событием, а средоточием всемирной истории [Там же, с. 106]. Не смена, не смешение, а универсальный синтез создает из отдельного всеобщее.

Одним из признаков научности теории является правильная классификация, систематизация, поскольку от выбора основания деления и от понимания, что именно нужно делить в предмете исследования, зависит результат. Данилевскому как естествоиспытателю, эмпирику и реалисту это должно быть известно. Но само понимание человечества у Данилевского напоминает нам спор номинализма и реализма о существовании общего. Как отмечает Соловьев, Данилевский рассматривает человечество как отвлеченное понятие без действительного значения, «поэтому *отдельным* племенным и национальным группам он должен не только приписывать полную и независимую реальность, но и признавать в них высшее и окончательное выражение социального единства для человека». Между человечеством и народом (нацией, племенем) им утверждаются родо-видовые отношения. Отметая прежние классификации как искусственные и нелогичные, Данилевский, по мнению Соловьева, сам нарушает правила деления. Одни народы выделены в особые типы, другие соединены, сама классификация

изначально ограничена определенным числом культурно-исторических типов. Ссылка на общеизвестность, по мнению Соловьева, говорит не об истинности, а о заблуждении [Там же, с. 108-109]. Нарушены правила классификации, когда в качестве существенного признака выступает язык, ибо многие исторические типы имеют один и тот же язык, нет необходимой однородности, европейский мир сопоставляется с отдельными, замкнутыми в своих географических и этнографических пределах, народами. Да и внесение различий между уединенными и преемственными типами является дополнительным основанием деления. Поэтому Данилевский утверждает, что никакой преемственности культурных начал быть не может, возводя это в один из законов исторического развития, значит, образовательные начала, выработанные одним народом, не могут передаваться и усваиваться другим. Этот закон, как утверждает Соловьев, является логическим дополнением к отрицанию не только единого человечества, но и единства его развития, то есть всемирной истории [Там же, с. 114-116].

Абстрактно-логические отношения предполагают, что понятия рода и вида имеют относительный и условный характер, поскольку сам род может быть видом более широкой группы. И Данилевский не может точно определить, что является реальными видами человеческого рода – народы, племена или культурно-исторические типы, но при такой условности в различении родового и видового нельзя делать нравственные и практические выводы [Там же, с. 124-125]. Если нет человечества, то нет и по отношению к нему нравственных требований и обязанностей. И соотношение абстрактного и конкретного при переходе из области логики в область нравственности, когда любая конкретность кажется более ясной, определенной и, значит, предпочтительной, открывает, по мнению Соловьева, свободную дорогу всякому дальнейшему понижению нравственных требований, ведь «никакому сомнению не подлежит, что для всякого его личные эгоистические интересы суть из всех прочих самые ясные, самые определенные и конкретные» [Там же, с. 127]. От нелогичности, наукообразности недалеко до нравственных заблуждений. Поэтому Соловьев предлагает не отношение рода и вида, а отношение целого и части, где человечество выступает не как простая совокупность или агрегат частей, а как реальный и живой организм по отношению к своим органам [Там же, с. 128], как органическая система.

Но и сама концепция Данилевского оказывается если и не плагиатом, то не самым лучшим повторением идей немецкого историка Г. Рюккерта. Последний также не признавал единого человечества, а субъектами исторического процесса считал множественные отдельные типические группы, называя их историческими или культурно-историческими индивидами. Как отмечает Соловьев, эти обособленные племенные группы берутся эмпирически, без их отношения к расам или отдельным народам, в результате чего одни из них просто совпадают с отдельными народностями, а другие охватывают совокупности народов и государств. Рюккерт, отрицая человечество в качестве единого субъекта истории, утрачивает и единство истории, всеобщей культуры, предлагая вместо единой нити истории параллельные ряды культурного развития [2, с. 314-316].

Поэтому для Соловьева мало установить формально-логически соотношение человечества и народов как целого и части, необходимо показать и диалектику множественного и единого, абстрактного и конкретного. Видя только части без целого, мы теряем их смысл и значение, превращаем их в неопределенный и безначальный хаос. Общее или единое без самостоятельного значения и ценности частных элементов утрачивает действительное содержание и становится пустым и мертвым единством. Обе стороны, единство всех и самостоятельность каждого момента реальны, связаны и определяют живую действительность. Переходя из области абстракции в области человеческой истории, Соловьев утверждает единое человечество и единичного человека как два полюса, между которыми и через их взаимоотношения образуются множество групп. Эти группы можно рассматривать как различные степени расчленения человечества или степени разрастания человека. Логически их можно представить как круги (объемы), как результаты умножения или деления. Но любая степень требует четкого определения и понимания, нельзя ставить ее под именем индивида или типа на место целого человечества, нельзя объявлять человечество только отвлеченным понятием. Это приводит к искажению и запутыванию истории как науки и реального процесса. И хотя нельзя утверждать, что единое человечество непосредственно действует в историческом явлении, оно обнаруживает свою совершенную реальность в общем ходе всемирной истории [Там же, с. 337-338] как духовная сила. Здесь Соловьев совершает восхождение от абстрактного к конкретному. Человечество может быть рассмотрено как абстрактно-всеобщее, любой взятый исторически и эмпирически народ, безусловно, конкретен, но возможно и конкретно-всеобщее, когда человечество предстает как субъект истории и как историческое человечество в единстве его многообразия и развития.

Требование преемственности культур не просто позволяет Соловьеву утверждать единство истории, общий путь, но позволяет поставить вопрос о том, кто и как вносит эту культуру – человечество, народ или отдельная личность. Не случайно неоднократное обращение в его творчестве к роли Петра Великого, который видел истинные потребности своего народа, проявил в своей деятельности просвещенный патриотизм, преданность долгу, гражданскую доблесть и насильственно внес в Россию необходимую ей цивилизацию [8, с. 48]. Задачи, поставленные перед всем человечеством и ради человечества, решаются отдельными личностями.

Почему же все-таки концепция Данилевского, в отличие от его предшественника Рюккерта, считается Соловьевым системой национализма? Философ видит у Данилевского притязание на особую уникальность, желание придать главенство, четырехосновность славянскому типу, которое не может быть подкреплено никакими особыми самобытными достижениями русско-славянского мира в области науки, искусства, философии, литературы, т.е. в области духа. Нет особой оригинальности в общественно-экономическом общинном устройстве, да и сама оригинальность как таковая не представляет собой ценности. Теория автора несовместима с христианской идеей, самим христианством, с развитием единого (не национального) научного знания. Но ее можно рассматривать как катехизис антиевропейской и лженациональной проповеди [2, с. 311]. Равноправность типов не есть их равноценность, и признание одного из них высшим означает не просто утверждение его самобытности, но самолюбование и эгоизм.

Не менее важна и критика славянофильства, которое Соловьев называет систематической формой нашего национализма [7, с. 141]. Развитие славянофильства можно рассматривать как переход от поклонения русскому народу к его идеализации [10, с. 216]. С позиции методологии исторической науки речь идет о том, что всеобщая история как целое предполагает как свою часть и историю отдельных народов. Но принцип изложения истории отдельного народа не означает упрощения или идеализации. Поэтому предложенная К. Аксаковым идея истинного русского пути критикуется Соловьевым как слишком простой и логически выстроенный смысл русской истории. Философия русской истории Аксакова складывается из ложных или ложно обоснованных утверждений, идеализация допетровской России предстает как сплошная бессознательная ложь [Там же, с. 205-206]. И это не просто историческая фантазия, а преклонение славянофилов перед татарско-византийской сущностью мнимого русского идеала [Там же, с. 213]. И если старые славянофилы испытывали внутреннее противоречие «между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше», то их преемники этого противоречия не испытывают. И Соловьев в гегелевском духе замечает, что свобода от внутренних противоречий не «всегда означает обладание полною истиною: иногда это лишь признак простого отсутствия мысли и идеального содержания» [Там же, с. 192]. Оценка Соловьевым деятелей и событий русской истории основана на том, что было сделано для русской государственности, вхождения в христианский мир, для подъема русского национального самосознания. Патриотический взгляд на русскую историю может быть основой исторического метода, если это истинный патриотизм.

Этический взгляд на соотношение национального и патриотического в истории присутствует как в ранних, так и в поздних работах. Национальный вопрос – это вопрос о достойном существовании, которое у народа, как и у человека, сводится к подчинению нравственному закону, к устремлению к нравственным целям [5, с. 8]. Но это и вопрос о любви к народу. Путь самосовершенствования невозможен без идеала. Но этим идеалом не могут быть ни человечество, ни отдельный народ, поскольку они представляют собой морально неопределенные собирательные существа, одинаково способные к добрым и злым делам, к истине и лжи. Гуманизм и национализм могут быть названы отвлеченными идолами [6, с. 146]. Рост нравственного самосознания в жизни отдельного лица и нации должен быть связан с исполнением нравственного долга и возможным самоотречением от эгоизма. Но этому процессу «препятствует лишь неразумный псевдопатриотизм, который под предлогом любви к народу желает удержать его на пути национального эгоизма» [5, с. 9]. И тогда национальное самосознание трансформируется в самодовольство, последнее становится самообожением, что равносильно самоуничтожению [3, с. 30]. Как видим, национальное самосознание может в своем развитии перейти не только в патриотизм, но и в губительный национализм, изначальное единство прорастает в противоречие.

Любовь к народу должна быть не поклонением, а состраданием. Истинный патриотизм включает в себя веру в свой народ, соединенную с бесстрашием, любовь к народу как сочувствие к его действительным потребностям и страданиям, желание практической помощи народу в бедах [Там же, с. 34]. Но при этом нельзя рассматривать народность и самобытность как предмет любви и действия, как нечто объективно отстраненное, они есть в том, кто любит и действует. Это можно понимать как то, что любящий субъект в народности, в народном характере испытывает любовь к самому себе, но здесь и лежит опасность неподлинной, эгоистической любви. Поэтому народный характер как положительную силу нужно отличать от национализма как ревнивой и напряженной заботливости о своей национальной особенности, как усиленного возбуждения национального эгоизма [1, с. 45, 48]. Самоотречение от эгоизма следует рассматривать не в грубом физическом смысле, а в нравственном – как приложение к делу лучших свойств русской народности, духовного смирения во имя истинного всечеловеческого дела [Там же, с. 56, 58]. Несомненно, что любовь к своему народу не должна вызывать ненависть к другим, но как быть с равнодушием, которое нельзя отнести ни к области патриотизма, ни национализма. Необходимо рассмотреть и космополитизм как противоположное по своему содержанию отношение к народности, что Соловьев делает в своей поздней работе «Оправдание добра».

Философа интересует, насколько связаны национализм и космополитизм, можно ли ради любви к интересам своего народа применять любые средства, враждебно относиться к чужим народам. Можно ли на основании равного отношения к народам относиться к своему народу равнодушно.

Для этого необходимо разобраться в сущности патриотизма, который на эмпирическом уровне может быть разделен на четыре вида: неразумный (вредный) народу; пустой, голословный; лживый, скрывающий своекорыстные побуждения; истинный. Желание блага другому существу обычно предполагает нравственные средства. Но если это существо оказывается народом, «для служения его предполагаемым интересам вдруг все оказывается дозволенным, цель оправдывает средства, черное становится белым, ложь предпочитается истине и насилие превозносится как доблесть. Народность становится здесь безусловною и окончательною целью, высшим благом и мерилом добра для человеческой деятельности. Но такое недолжное возвышение есть только призрачное и на деле сводится к унижению народности». Использование безнравственных средств приводит к ограничению интереса народа материальными благами, которые добываются безнравственным или преступным путем. Смешиваются высшая и низшая сферы, вместо служения народу идет служение народному эгоизму [4, с. 291-292]. Происходит замещение истинных ценностей ложными, но причина ложного патриотизма может быть и в том, что смешиваются понятия отечества и нации, которые в своей эмпирической данности не всегда совпадают и не совпадали исторически.

В историческом экскурсе Соловьева важным является понятие границы. Политические объединения античности допускали соединение племен. Противопоставление своих и чужих определялось не национальностью, а другими факторами, национальность не выступала как граница, то есть не была и не осознавалась

таковой. Всплеск всенационального патриотизма у греков Соловьев отмечал только в период персидского нашествия, скорее, они обладали универсально-культурным самосознанием. Рим также был открыт миру. Космополитизм как требование ничтожности разделений и границ разрабатывался в качестве философского принципа стоиками и киниками (отрицательное понимание), а национальное сознание (как отграничение от других народов, положительное утверждение границы) могло быть отмечено только у иудеев. Связано оно было с религиозными представлениями и мессианскими ожиданиями. Только в христианстве, проникнутом идеей совершенного человека, исчезает всякая индивидуальность. Национальность перестает быть границей, соединение с церковью сохраняет положительные особенности, в том числе народные [Там же, с. 293-295]. Прогресс в истории определяется не наличием, а осознанием границы в положительном или отрицательном смысле, и именно с этим связано разрешение противоречия между патриотизмом и космополитизмом.

Усматривая в Новом Завете положительное отношение к народности, Соловьев продолжает свое историческое исследование новых европейских народов, с их одинаковым отношением к народности, что позволяет ему обнаружить этико-исторический закон. Народность в себе и для себя, как нечто замкнутое не есть народность для всех, которая выступает как форма для всемирного содержания.

Так, итальянцы «не считали истинным и прекрасным утверждать себя и свою национальность, а они *прямо* утверждали себя в истинном и прекрасном; эти творения не были хороши тем, что прославляли Италию, а напротив, они прославляли Италию тем, что были *сами по себе* хороши – хороши *для всех*». Оправдание патриотизма не требуется, так как он оправдывает себя на деле как творческая сила [Там же, с. 300-301]. История Испании с ее борьбой за католичество против протестантизма, «за принцип внешней опеки божественного учреждения над человечеством» рассматривается как ложный и несостоятельный универсализм, но бескорыстный и лишенный эгоизма. Английский народный дух Соловьев связывает с научными открытиями, художественным гуманизмом, идеями религиозной и гражданской свободы. Для англичан был весь мир, как и они для всего мира. Франция с идеями свободы, равенства, братства также была чужда национализму и обладала особой восприимчивостью к чужим идеям. Расцвет национального духа Германии совпал по времени с ее политической раздробленности [Там же, с. 304-307].

Все эти примеры позволяют философу связать значение нации с открытостью, а не с отчуждением от человечества. Утрата границы и есть переход от состояния «в себе» в состояние «для всех». Этико-исторический закон и заключается в том, что народы действуют не во имя своих материальных интересов, а ради того, чем они могут послужить миру – для всех. Патриотизм не может ставить благо своего народа как что-то отдельное. Это будет мнимый патриотизм, противоречащий стремлениям своего же народа, или ложный, поддерживающий звериные инстинкты народа вместо высшего национального самосознания. Против такого патриотизма и выступает космополитизм, который несет в себе отрицательное требование нравственного принципа [Там же, с. 308-309].

Положительный смысл нравственного принципа заключается в том, что любое лицо как предмет нравственного отношения имеет народность как свою особенность в психическом и нравственном определении. Принадлежность к народности закрепляется актом самосознания и воли, народность для него выступает неотъемлемым свойством и ценностью. Нравственное отношение не рассматривает действительное лицо как абстрактного субъекта, выделяя его особенности. Достоинство лица простирается на все, что для него положительно и ценно. Христианский принцип любить другого как самого себя требует любви к другой народности как к своей собственной. Только так патриотизм освобождается от народного эгоизма или национализма, являясь не только естественным чувством, но и обязанностью лица к собирательному целому. По сути, здесь мы видим у Соловьева расширенное толкование кантовского категорического императива.

Соловьев отделяет этическое от метафизического и психологического. Требование любви к другим народностям не «зависит от метафизического вопроса о народах как о самостоятельных собирательных существах. Если бы даже народность существовала только в своих видимых единичных носителях, то *в них* она во всяком случае составляет положительную особенность, которую можно ценить и любить у чужестранцев так же, как и у своих единоплеменников». При утверждении и постоянстве такого должного, требующего усилий воли, отношения «национальные *различия* сохраняются и даже усилятся, сделаются более яркими, а исчезнут только враждебные *разделения* и обиды, составляющие коренное препятствие для нравственной организации человечества». Такая любовь, полагал Соловьев, ко всем другим народам не может остаться безответной, не вызывать с их стороны одобрения. Психологически любовь к своему народу может быть более эмоциональной, но не должна закрываться в себе самой, а быть исходной точкой развертывания положительного нравственного отношения [Там же, с. 309-310].

Мы видим, что и в области этики общее сохраняет и утверждает особенное, проявляется в единичном, держит в себе отрицательное и положительное. Но здесь это общее предстает в виде любви, долга, и тогда космополитизм является не равнодушием, а открытостью, равенством и уважением к другим. Патриотизм оказывается не эгоизмом, любовью к себе, а творчеством, свободой, стремлением к благу для всех. Национализм оказывается не инстинктом, а расцветом национального духа, способным воспринимать чужое и дарить свое.

По сути, всеобщая нравственная задача предполагает и ее конкретное воплощение в виде социальных и политических действий. Политическое действие вторично, оно должно быть следствием нравственного отношения. Соловьев разделяет патриотизм отвлеченный, подражательный, когда происходит некритичное приложение чужих взглядов и приемов к нашему отечеству, и патриотизм самобытный, опирающийся в национальной политике на совесть. Государственное единство не обязательно является национальным, для России

нужна не только государственная, но самостоятельная и своеобразная национальная политика [14, с. 75-78]. Служение народу как целому предполагает воплощение этой целостности в организациях и утверждениях, действующих в согласии с законами. Патриотизм обязывает нас стараться улучшать эти учреждения и законы, выступать как вид социальной любви. Он не должен быть формальным, но должен способствовать лучшему устройству общественных форм. Соловьев всегда ценил те реформы, которые улучшают и народный дух, и культуру, и саму государственность. Нельзя безразлично относиться к объективным проявлениям жизни народа и придавать значение только внутренней форме души.

Патриотизм есть «прямое выражение нашей объективной, извне данной солидарности с известною общественною группой... Но нет ни малейшего основания утверждать, что наша социальная любовь должна непременно и окончательно остановиться на *этой* ступени и не идти дальше» [9, с. 349]. Общая любовь к отечеству расширяет и возвышает местный патриотизм, связанный с отдельной территорией, социальная любовь к человечеству восполняет и возвышает всякий национальный патриотизм [Там же, с. 346-350]. Любовь ко всему отечеству есть действенная забота о каждой отдельной части, о каждом отдельном народе, есть переустройство ради блага своей страны и народов, ее населяющих. Но в этой любви к своему нельзя забывать о других народах, нужно сострадать и помогать им. Открытость новому, истинному, творческому, справедливому в сочетании с бережной заботой о своих ценностях, о своей истории – вот в чем заключается истинный патриотизм и универсализм. Но этими мирными, справедливыми, постепенными делами и творится история. Остается только восхищаться, насколько же современны и истинны идеи В. С. Соловьева. Опасность национализма не просто стала реальной в XX веке, но сохраняется и поныне, и очень сложно не перейти ту узкую грань, которая отделяет патриотизм от национализма.

Итак, в философии истории В. С. Соловьева во всех аспектах (онтология, методология, этика, политика) национализм стоит ниже патриотизма, исторически проявляется позже. Их общим источником является национальное самосознание, из которого они вырастают как противоположности, снятием которых может быть универсализм или космополитизм как разные стороны одного принципа.

Список источников

1. Соловьев В. С. Любовь к народу и русский народный идеал (открытое письмо к И. С. Аксакову) // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 41-59.
2. Соловьев В. С. Немецкий подлинник и русский список // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 309-340.
3. Соловьев В. С. О народности и народных делах России // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 27-41.
4. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 9-ти т. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1903. Т. 7. 1894-1897. 677 с.
5. Соловьев В. С. Предисловие ко второму изданию // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 8-11.
6. Соловьев В. С. Приложение. Предисловие к первому изданию // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 145-149.
7. Соловьев В. С. Россия и Европа // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 81-145.
8. Соловьев В. С. Русская идея // Соловьев В. С. Смысл любви: избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М.: Современник, 1991. С. 41-68.
9. Соловьев В. С. Самосознание или самодовольство // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 340-352.
10. Соловьев В. С. Славянофильство и его вырождение // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 181-248.
11. Соловьев В. С. Славянский вопрос // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 28-40.
12. Соловьев В. С. Три силы // Соловьев В. С. Смысл любви: избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М.: Современник, 1991. С. 28-40.
13. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: краткая повесть об Антихристе / сост. и примечания А. Б. Муратова. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 32-202.
14. Соловьев В. С. Что требуется от русской партии // Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Юрайт, 2016. С. 75-81.

DIALECTICS OF THE NATIONAL AND THE PATRIOTIC IN V. S. SOLOVYOV'S PHILOSOPHY OF HISTORY

Burova Mariya Leonidovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
marburova@yandex.ru

The article reveals interaction of the national and the patriotic in V. S. Solovyov's philosophy of history in the aspects of ontology, methodology, ethics and politics. Development of national consciousness is an opposite of patriotism and nationalism removed in universalism or cosmopolitanism. Ontologically and on the value basis patriotism is above nationalism and allows considering the history of a separate nation as a part of the world history. In the aspect of ethics the national, patriotic and universal act as a transition from isolation to openness being embodied in national politics.

Key words and phrases: philosophy of history; national self-consciousness; nationalism; patriotism; universalism; cosmopolitanism; humanity; nation.